

АНАТОЛИЙ АГАРКОВ

О ЧЕМ СТОНАЛО ЗАЙМИЩЕ

ЖИЗНЬ

ЧЕЛОВЕКА – БОРЬБА
С КОЗНЯМИ ЧЕЛОВЕКА.

(Б. ГРАСИАН)

Анатолий Агарков

О чем стонало Займище

«Издательские решения»

Агарков А.

О чем стонало Займище / А. Агарков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-906152-2

Толику фантазии — и простое болото превращается в тропический остров, практически необитаемый. Или малообитаемый. Тех, кто не хочет обитать добром, мальчишки изгоняют вон. Причем с присущей им фантазией изобретают Болотное Страшилище. Когда воду из болота спускают, наступает Вселенская Трагедия для обитателей, мальчишек и самого Займища. О, как оно стонало ночами!

ISBN 978-5-44-906152-2

© Агарков А.
© Издательские решения

Содержание

1	6
2	7
3	10
4	13
5	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

О чем стонало Займище

Анатолий Агарков

Жизнь человека – борьба с кознями человека
(Б. Грасиан)

© Анатолий Агарков, 2018

ISBN 978-5-4490-6152-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

В том краю, где я родился, пальмы не растут. Но когда наступает лето, и распускают свои цветущие гроздья сирень и черёмуха, а над улицами плывёт хмельной, с ума сводящий запах, от которого даже убогие старушки начинают лукаво улыбаться, мы, пацаны, не завидуем собирателям кокосов. Нам хватает леса, полей и болота, что раскинулось от самой околицы до вдали темнеющего бора.

Оно полно чудес, наше Займище. По необъятным зелёным просторам вольно носится ветер. Он гоняет рыжие гривы камышей. Над ними парят коршуны, оглядывая зоркими глазами бескрайние пространства, тонушие в солнечной дымке. Золотятся под лучами тяжёлые стрелы розоз, глубинные топи скрывают их вкусные побеги. Караси играют среди царственных кувшинок, пугая утиные выводки. Жарко пылает в синем бездонном небе солнце, зажигая слепящими бликами блюдца плёсов. А по ночам низко висят над водой колючие алмазы звёзд, и плавный водят хоровод русалки, ступая босыми ногами по блестящим листьям кувшинок. Водяные сварливо бормочут, пересчитывая медяки, что собрали на дне или в карманах утопленников. И заросли камышей чудно отражаются в посеребряных лунной водных зеркалах.

С самого раннего детства я полюбил тепло и ласку уральского солнца, колдовскую игру красок в воде, азарт открытий, которые поджидали меня в непролазных зарослях камышей, за каждым поворотом чистой воды. Там, где я родился, там прошли самые счастливые детские годы.

Ранним утром, шурясь от яркого света, любил я бегать по тропинке у воды. Роса холодила босые ноги. Из-под берега, заросшего осокой, взлетали утки. Замкнув круг, они садились где-то на плёсах за стеной камыша. А до него от берега ровная и блестящая гладь воды взламывалась гагарьими дорожками и гнала к моим ногам пологие волны. Такие же волны разбегались кругами, если я бросал в воду камень.

Далёкий берег, заросший кустами тальника и кудрявым березняком, оставался в тени, откуда плыли клочья белого тумана, огнём вспыхивали на солнце и медленно таяли. Ещё дальше вольно, не теснясь, стояли могучие сосны. Вокруг них на земле лежали ершистые шишки. Босиком ходить под соснами не каждый решался – белить радость больно колола ступни. Вечерами, когда солнце садилось, и в воздухе начинали звенеть комары, мы с пацанами жгли костры на берегу Займища, а я любил кидать сосновые плоды в огонь. Они ярко с треском вспыхивали, чешуйки сначала чернели, круто заворачивались, потом раскалялись, и шишка становилась похожей на сказочный огненный цветок. А потом мы выкатывали из огня печёную картошку, обугленную и такую ароматную, какой никогда не бывает дома. Ели и смеялись – нам было весело обжигаться и смешно от того, что рты и пальцы у всех чёрные.

Если бы взор мой в сполохах огня мог прозреть тайну будущего и предвидеть все трагические переживания, которые оно мне готовило, то, быть может, держался я подальше от Займища. Но возможно также, что счастливый исход, который должен был увенчать болотные приключения, не смотря, ни на что, повлёт бы меня вперёд. Ибо любовь к сильным ощущениям была мне не чужда. Но не приходилось выбирать между двумя этими альтернативами, так как будущее не открывал мне огонь костра. Только много позднее, когда прошло уже немало лет, и я, сидя перед весело потрескивающим домашним очагом, восстанавливал в своём воображении всю захватывающую картину своих приключений, я тогда понял, что ни за какую другую жизнь не расстался бы до конца с этими неизгладимыми, дорогими для меня воспоминаниями.

2

Помню, как сидя на носу лодки из сосновых досок, которой правил отец, я жадно впитывал в себя дикую красоту болота, с его, почти тропической растительностью и блестящей, как зеркало, гладью плёсов, по которым мы скользили, подобно теням, под приглушённый плеск шеста. Моё сердце трепетало от радостного волнения, а восторженные глаза, готовые к ежеминутной встрече с небывалыми чудесами, ловили всякое движение. Вон лысухи с плеском побежали в камыши. Почти на каждом повороте прохода утки парами и в одиночку взлетали с воды, громко хлопая крыльями. Один раз я подскочил, увидав рыжую кочку, вдруг нырнувшую от протянутой моей руки.

– Ондатра, – подсказал отец за моей спиной.

Плавное движение воды за бортом производило впечатление, которое легко могло ввести в обман неопытного человека. В ленном спокойствии чудилось что-то очень грозное, наводящее на размышления. Легко можно было допустить, что на некоторой глубине сплелись чьи-то цепкие щупальца и терпеливо выжидали, пока найдётся такой безумный смельчак, который бросится в пучину, и которого они мигом потянут вниз, на самое дно. С большим волнением вглядываясь в толщу воды, чувствовал, что эта спокойная стихия таит в себе гораздо больше опасностей, чем двадцать самых бурных горных потоков, на которых, кстати, до сих пор ни разу не был. В тот миг мною владело чувство – точно не через борт лодки, а с края бездонной пропасти заглядывал я в неё.

В воде скользили облака и исчезали. Но прежде, чем окончательно исчезнуть, превращались в мечты, сулили дальние дороги, океанские волны, крики розовых птиц над серебряным озером, топот антилопных стад, спешащих к водою, и пристальный взгляд затаившегося в траве хищного зверя.

У камышовой кромки плёса хрипло квакнула старая лягушка. Ей откликнулись также утробно и тяжело ещё две-три с разных сторон. В их мутных столах слышались призыв и вопрос. Сейчас же им ответили десятки квакуш, среди них были уже и молодые звонкие голоса. И затем округа разом охнула, завывала, застонала, зазвенела, захрипела и захрякала. Жирный, азартный лягушачий хор покрыл голоса птиц и шелест камышей... Лягушачий плёс.

Лодка медленно плыла, оставляя след. Вода от неё шевелилась, расходилась далеко мелкой волной. Точно прилипнув к воде, гладко лежали на ней зелёные листья кувшинок. Отец иногда брал шест и загребал им, как веслом, потом снова клал его в лодку и выбирал сети. А я, свесившись через борт, стремился взором в волшебный полумрак подводных зарослей. Причудливо фантастические, они были неподвижны, словно облака зелёного клубящегося дыма застыли в глубине.

Вода живёт напряжённой жизнью. Снуют водомерки, ошалело скачут водяные жучки. Между стеблями растений бесшумно, как во сне, скользят рыбы. Вот, блеснув золотой чешуёй, в закатных лучах солнца, проплыл косяк жёлтых карасей. Бегая вороватыми глазами и пружинно взмахивая хвостом, мелькнул головастик. Мечутся мальки.

С резким присвистом крыльев над плёсом летит стремительная чайка. Она едва не касается белой грудью воды, чётко отражается в ней, и чудится, будто летят две птицы. Схватив неосторожную рыбёшку, одна чайка резко взмывает вверх, а вторая, кажется, падает на дно.

Вдыхая от мокрых сетей острый запах рыбы и тины, мы плывём вдоль камышей. На коричневые бархатные махры его ложилась вечерняя роса, и они от этого потемнели. Стало прохладней.

– Какой воздух, а, – восхитился отец и спросил. – Сравнишь его с городским?

И сам ответил:

– В городе пыль и духота...

Отец, довольный уловом, разговорился.

– Пап, а на охоту меня возьмёшь? – подсуетился я.

– А как же! Осенью на уток, зимой на волков.

– На волков? – удивился я и не поверил. – На волков разве с ружьём ходят? На них винтовку надо или автомат.

– А голыми руками ещё не пробовал?

– Ты что ль ловил?

– Видел как. Маленький я был, а как сейчас помню. Повадился к нам на хутор волк ходить. Нынче у одних зарежет овцу, через пару дней у других. Прямо как на мирских харчах держать его подрядились. И видели мужики – здоровый такой, матёрый. Да-а, ходит и ходит, как зять к богатой теще на блины. Пробовали подкараулить – чёрта с два!

– Вы бы собаками, – подсказал я.

– Прыткий какой! Собаки брешут, когда не надо, а когда нужно – их нет. Да и не боялся он собак, а ежели какая дура попадётся – только и житья ей. Да-а. Стали мужики почаще выбегать на улицу, поглядывать за ним. А он как – заберётся на крышу саманной стайки, пророев дыру и оттуда, сверху шаст, прямо на овцу. Та – «мя-мя!», и дух из неё вон. Рванёт ей глотку, выпьет тёплую кровь, и был таков.

– Страшно, ей-бо, – пожаловался я.

Плыли обратно узким проходом, густой и тёмный камыш подступал вплотную.

– Дальше страшней пойдёт, – отец не спеша подгонял лодку шестом, и так же нетороплив был его рассказ. – Как-то одна ночь морозна была – ажна стены трещали. Пошли мы с братом Фёдором – а он мне по возрасту в отцы годился – поглядеть, не объягнилась ли какая овца. Так, мол, и застынет ягнёнок. На овец взглянули – нет, всё чин-чинарём. И только собрались уходить, вдруг окно – на зады оно из хлева выходило, навоз в него выбрасывали – застило. Застило и опять посветлело. Да так раза три подряд. Что за чёрт? Фёдор тихонько меня за рукав – сам, чую я, дрожит – отвёл в угол и шепчет: «Волк». Тут и у меня затряслись поджилки. Ежели не брат, так заорал бы. Да-а. Притаился, стою в углу, дрожу. Вдруг опять застило окно, и так здорово, что даже овцы шарахнулись, чуть меня с ног не сшибли. Глянул – волосы на голове зашевелились. Вытащил волк кусок моха, что щель у окна закрывал, сунул туда хвост и хлещет по стеклу, и вот хлещет. Подловчился тут Фёдор, тихонько вдоль стенки пробрался и хватить волка обеими руками за хвост. Схватил да как закричит: «Егорка, мужиков зови!». Прибежали мужики. Фёдор навстречу идёт – в руках волчья шуба. А от окошка по огороду следы. «Гольшом-то по морозу далеко не уйдёт», – судачат мужики и вдогон. И что же? У самого забора лежит он в растяжку, в чём мать родила. Стало быть, без шкуры околел на морозе.

– Сдох? – удивился я.

– Окочурился.

– Как же это он?

– А ты попробуй гольшом на морозе. Мороз-то был...

Подумав немного, я усомнился.

– А ты, пап, не врешь?

– Зачем мне врать-то?

– А зачем же волк хвост в щель просунул?

– Овец пугал. Метнуться они в дверку, сшибут и в поднавес. А там он – цап-царап...

– Какой хитрый!

– Хитрый, верно. Только на беду его Фёдор случился.

– А разве ж можно из шкуры выпрыгнуть? – допытывался я.

– Со страху, брат, всё можно.... Один, слышь, мужик с лодки упал, а пиявок страсть как боялся. Дак из воды выскочил, и как посуху.... Жарил, только пятки сверкали, до самого берега, и про лодку забыл....

Я верил и не верил, любуясь, смотрел на воду, как тиха она при закате солнца, как на изумрудной глади её играют золотистые отблески. В небе, между тем, шло тяжёлое, драматическое противостояние – натруженное солнце стремилось скрыться за горизонт, а тяжёлые, плотные, с фиолетовым отливом тучи, словно бы блокировали его у кромки земли, не пускали.

Начал я с того, что стоял июнь, неповторимая для мальчишек пора. Конечно, все месяцы хороши, но бывают лучше, бывают и похуже. Возьмём, сентябрь – плохой месяц: начало учебного года. А теперь, август – хороший месяц: до школы ещё есть время. Июль, нет сомнения, – просто отличный месяц: школа где-то за горизонтом. Июнь, тут уж всякому ясно, июнь – лучше всех: двери школы наглухо захлопнуты, и до сентября не меньше миллиона счастливейших минут. В июне-то и случились все мои приключения. Но не буду забегать вперёд.

Лишь только лодка коснулась носом берега, бумажным змеем, подхваченным вихрем ветра, я сорвался прочь. Провожая взглядом мою спину, отец, должно быть, давил в себе желание сорваться с места и бежать рядом со мной вперегонки. Он был романтиком – я знал. Без моих рассказов он ведал, что делает с пацанвой ветер, куда увлекает её – во все потайные места, которые для него-то совсем и не были потайными. Где-то в душе его скорбно колыхнулась какая-то тень, заглушая боль от печали. Печали, которая заставляла его быть взрослым – не спеша примкнуть лодку, собрать в мешок сети и важно шествовать домой.

Отец скучал без меня, я знал. Он говорил – бывает, глядишь на проходящих мимо мальчуганов, и на глаза навёртываются слёзы. Они чувствуют себя хорошо, выглядят хорошо, ведут себя, как хотят. Они могут писать с моста на проходящие вагоны или стибрить шоколадку с витрины магазина. Им всё прощается, потому что они – пацаны. Они растут, как буйная трава в придорожной канаве, и не знают того, что будет завтра. А он знает, потому что взрослый и умеет думать.

Вон бежит его сын. На ходу бросает камень в заброшенный сарай, разбивает окно. Господи, как тут не вспомнить, что жизнь вертится по замкнутому кругу и топчется на месте лишь потому, что мудрости не хватает времени, а юности ума. Об этом думал мой отец, возвращаясь с рыбалки. Но вслух не сказал ничего – некому было, да и не зачем. Он шёл с мешком за спиной, прислушиваясь к себе – не колыхнётся ли снова в душе скорбная тень, шурша сложенным в кучу хворостом, который потух, так и не разгоревшись.

3

Я убежал на закате, а вернулся домой за полночь. Темнота благоухала ароматом цветущих садов. Пахло так, словно за околицей раскинула свои тропические берега Великая Амазонка. Почему это, спрашивал я себя, перелезая забор, никто не догадывается, что дикие, неизведанные джунгли рядом – только чуть добавь фантазии.

Царило поистине какое-то промежуточное время между сном и явью, и мысли мои уподоблялись то косматой дворняге, оставшейся за забором, то шаловливой кошке, сладко дремлющей – я знаю – на моей подушке. Время ложиться спать, а я ещё медлил, тихонько брёл меж грядок от дневных приключений к ночным грёзам. Хотелось ещё многое рассказать, но некому.

На лестнице, ведущей под крышу сарая, служившую мне спальней, кабинетом и хранилищем всех моих сокровищ, сидел, покуривая, отец. Можно было подумать, что он дожидается меня, убежавшего от всех домашних забот. Ведь я не помог ему выбрать рыбу из сетей, матери – пригнать корову, которая после табуна и вечерней дойки ещё пасётся по-над берегом, сестре – полить грядки. Можно было подумать, что меня ждёт взбучка, и чем позже я явлюсь, тем яростнее она будет. Но это было не так. Я знал, всегда перед ненастьем у отца ныли фронтальные раны. От этого он мучился бессонницей, бродил вокруг дома и беспрестанно курил.

Некоторое время мы созерцали друг друга молча. Мужчина и мужаящийся мальчик. Мы были дружны, когда расставались, только что не пели вместе. Не зная его нынешнего настроения, я спросил осторожно:

– Пап, а я хороший человек?

– Пожалуй, да, конечно же, хороший.

– Это... это поможет мне, когда я попаду в какой-нибудь переплёт?

– Поможет.

– Этого мало, пап.

– Мало, чтобы ты был спокоен за своё тело. Зато важно для твоего душевного покоя.

– Но иногда, пап, разве тебе не бывает так страшно, что и...

– ... и душе нет покоя? – отец кивнул, и на лице его расплылась улыбка.

– Пап, – чуть слышно произнёс я, – а ты хороший человек?

– По отношению к вам с сестрой и вашей матери стараюсь быть хорошим. Но нет человека, который был бы героем в собственных глазах. Я знаю себя ни один десяток лет, сынок. Знаю о себе всё, что только стоит знать...

– И что в итоге?

– Сумма? С учётом всего, а ведь я стараюсь не высовываться и помалкивать, пожалуй, всё в порядке.

– Тогда почему же, папа, – спросил я, – ты несчастлив?

– Лесенка у сарая в... так, поглядим... в половине второго ночи... не самое подходящее место для философских бесед.

– Мне просто хотелось знать...

Долго царила тишина. Отец вздохнул. Взяв за руку, он потянул меня к себе, усадил на колено, обнял за плечи.

– Ладно. Твои мать с сестрой спят. Они не знают, что мы с тобой здесь разболтались. Можно продолжать. Так вот, давно ли ты решил, что быть хорошим человеком – значит быть счастливым?

– Всегда так думал.

– Теперь научись думать иначе. Иной раз человек, который кажется тебе самым счастливым во всём мире, который шире всех улыбается, и несёт на себе самое тяжкое бремя греха. Он всласть поразвлекался и вдоволь погрешил. А люди очень любят грешить. Антон,

уж поверь мне, если бы ты знал, как они обожают грех во всех его видах, размерах, цветах и запахах. Бывает, человек предпочитает насыщаться не за столом, а из корыта. С другой стороны, несчастный, бледный, замкнутый, который кажется тебе воплощением греха и порока, вот он-то нередко и есть хороший человек. Хороший, Толя, потому что быть хорошим – тяжелейшее занятие. Быть хозяином кабанчика куда труднее, чем кабанчиком... А как прекрасно, если бы ты мог просто быть хорошим, поступать достойно, не думая об этом постоянно. Но ведь трудно – правда же? – знать, лёжа ночью в постели, что в столе остался последний кусок торта, не твой кусок, а ты не можешь глаз сомкнуть, так тебе хочется его съесть, верно? Или в жаркий весенний полдень ты в школе прикован к парте, а там, вдали, струится через камни прохладный чистый поток. Мальчишки за километр слышат голос прозрачного ручья. И так минута за минутой, час за часом, всю жизнь без остановки, без конца, сию минуту и в следующую секунду, и в следующую за ней. Часы, знай себе, тикают, предлагают тебе выбор – быть хорошим, быть плохим: тик-так, тик-так. Спешу окунуться или сиди и потей, спешу к столу или лежи голодным. Теперь сложи все реки, в которых ты не плавал, все торты, которые ты не отведал, с твоими годами, и, Антон, накопится уйма такого, что тобою упущено. Однако, ты утешаешь себя, говоря – чем чаще ты мог искупаться, тем чаще рисковал утонуть, и столько раз мог подавиться чужим тортом. С другой стороны, сдаётся мне, из-за простой дремучей трусости ты можешь слишком многое упустить, страхуясь, выжидая. Взять меня – женился я очень поздно. Сначала война задержала, потом госпиталя. А потом, с возрастом, пришли сомнения. Очень уж я боролся сам с собой, считал, что мне не следует жениться, пока я напроочь не избавлюсь от всех изъянов. Слишком поздно до меня дошло, что совершенство невозможно. Ты должен вместе со всеми пробовать и ошибаться, падать и подниматься. И вот однажды я оторвался от этой нескончаемой борьбы и увидел твою мать. Мне тогда стало ясно – возьми мужчину наполовину дурного и такую же женщину, сложи их хорошие половинки и будет на двоих один вполне приличный человек. Так я смотрю и на тебя, Антон. Хотя ты всегда носишься где-то, отлыниваешь от порученной работы при всяком удобном случае, я точно знаю, что ты мудрее, лучше, а значит, счастливее, чем мне суждено быть когда-либо. Потому что в тебе мало сомнений.

Отец отпустил меня с колена, достал папиросу, прикурил.

– Нет, – сказал я.

– Да, – возразил отец. – Я был бы глупцом, если б не видел твоей мудрости. Она заложена в тебя природой и даётся без всяких усилий.

– Это значит, – я ковырнул землю кедом. – Жить не думая – это счастье?

– Правильнее – жить без сомнений, в согласии с самим собой.

– Чудно, – хмыкнул я после долгой паузы. – Сегодня ночью ты сказал мне больше, чем за всю предыдущую жизнь. Мне хочется, чтоб ты был счастлив, пап.

Я проклинал слёзы, выступившие на моих глазах.

– Со мной будет всё в порядке, сын.

– Я готов сказать и сделать всё, чтобы ты был счастлив.

– Толя, Толя, – отец затянулся папиросой и смотрел, как тает в воздухе её дым. – Скажи мне, что я буду жить в твоей памяти после своей смерти и до твоей – это меня вполне устроит.

Его голос, подумал я, он такого же цвета, как его волосы.

– Пап, послушай! Ты будешь жить вечно. Я обещаю тебе, что буду хорошо учиться, поступлю в институт и напишу о тебе книгу. О тебе узнают и будут знать люди спустя много-много лет – то, что ты пережил, очень интересно и поучительно.

– Что ещё?

– Я люблю тебя.

Он обнял меня и похлопал ладонью по плечу:

– После таких слов, никаких книг не надо.

Час был поздний, ночь на исходе, сказано достаточно, мы чувствовали, что теперь уж точно надо идти спать.

4

На рассвете по каменным небесам прокатилась, рассыпая снопы искр, колесница Громова-вержца. После грозы дождь ещё долго мягко падал на рубероидную крышу, журчал в водосточной трубе, говорил капелью на диковинных языках под окном чердака, за которым я смотрел розовые сновидения, выбираясь из одного, примеряя другое, и убеждаясь, что все они скроены из одной и той же ветхой ткани.

Случаются поздним утром такие часы, когда воздух делается как-то чище и светлее, небо ярче, и солнце светит по-праздничному. Ночные тучи уползают, как серые старые змеи, куда-то далеко, и на душе весело, радостно. Тогда птичий гомон звучит звонче и гармоничнее, и золотые пылинки в дружески тёплом луче солнца, протянулись от дыры в крыше до глиняного пола чердака. В этот час я проснулся на своём ложе из резиновой лодки, устеленной старыми тулупами и таким же одеялом. Лодка эта была когда-то камерой колеса огромной машины, наверное, БЕЛАЗа, но умелые руки отца стянули её ремнями в овал и в центр поместили доску, как днище. Её легко можно было, спустив воздух, уложить в мешок и возить на мотоцикле даже без тележки.

Чёрная крыша быстро нагревалась под солнцем, и подступал час, когда духота на чердаке становилась невыносимой. Пора было спускаться на грешную землю. Но я медлил, размышляя. Родители, конечно, на работе, но вот сестра...

Она была на четыре года старше меня и в той поре девичьего цветения, когда настроение меняется мигом на противоположное буквально из-за всякой ерунды. Однажды я стибрил её личный дневник и прочитал. Запомнились две фразы: «Не видела Его уже четыре дня – хочется плакать и кусаться... Тотошку точно придушу...».

Тотошкой был я, а она, конечно, Элли из любимой сказки. С тех пор стал сестры побаиваться, и не чесал язык, прежде не изучив пути отхода. Можно было и сейчас улизнуть тайком на улицу, но голод давал себя знать. Критически осмотрев руки и особенно ногти, после глубоко вздоха великомученика, отправился в дом.

5

Знаете ли вы, что такое солончак? Если не знаете, то загляните в энциклопедию – там всё мудро написано. А я знаю, что это пятно соли на земле, и ещё – что это след Великого Ледника, когда-то прошедшего нашими местами.

Земледельцы его не любят, а для нас он создал ещё одно чудо Займища. Береговая линия поделила его пополам, и то, что досталось суше, было настоящим пляжем. Пусть не Гавайским, но очень даже пригодным для игр и для отдыха – чистый белый глубоко прокалённый песок без единой травинки. Таким же было и дно – плотным, песчаным. Вода – чистая, без тины и водорослей, даже пиявки здесь не водились, даже телята обходили это место. А на губах после купания чувствовался привкус соли.

Лучшего места для сборища и впрямь было не сыскать. В любой час дня здесь людно. Отсюда начинались все наши походы. Здесь поджидали меня друзья, потому что я – заводила. И сегодня здесь – хромоногий Гошка Балуев, добродушный толстяк Вова Нуждин и крючконосый, похожий на индейского вождя, Паша Сребродольский. Кроме них ещё мелюзга, которая копошилась в сторонке и заходила в воду, когда старшие загорали на берегу.

Тёплое солнце грело моё тело, а над головой плыли большие серо-белые облака, и по цвету их можно было судить, что близился полдень. Ленивыми порывами задувал ветер, должно быть, южный, так как в нём был привкус жилья, а также медовый аромат садов, к которому неведомо откуда примешивался запах чеснока. Было чувство, будто я вернулся домой после дальней дороги. Так устал после купания, что хотелось только одного – не двигаясь, лежать на спине и смотреть на медленно бегущие облака в голубой небесной вышине.

Показалось, кто-то окликнул меня по имени. Сделав усилие, поднял голову и огляделся. Вовка Нуждин, ясноглазый, с длинными ресницами, с румянцем, полыхавшим на круглых щеках, запрокинув голову, смотрел в небо. Потом перевёл взгляд на воду, берега. И при этом медленно, как шаман заклятия, произнёс:

– Солнце... небо... берег... вода...

– Ты часом не бредишь? – спросил Пашка. – Может, перегрелся?

– Нет, с чего ты взял? Посмотри, какая красота! Как говорится, кто вчера умер – сегодня жалеет. Нет, определённо сегодня самый шикарный день всех времён и народов. Должен же такой когда-нибудь случиться. Почему не сегодня?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.